

Биография этого человека, история его жизни не может не представлять огромного интереса и для нас, и для последующих поколений. Революционер, один из соратников Ленина, выдающийся деятель советской культуры, писатель, критик, ученый, Анатолий Васильевич Луначарский был активным участником великих событий эпохи. Особенно велика его роль в деле привлечения на сторону Советской власти интеллигенции. Луначарский умело и талантливо раскрывал широкие перспективы развития новой, подлинно народной, богатой духовным опытом прошлого социалистической культуры.

23 ноября исполняется 110 лет со дня рождения А. В. Луначарского.

Н ИЧЕ не редкость встретить в печати упоминание о ноосфере. Под этим зачастую понимают область воздействия техники на природу. Более же широкое понятие ноосферы включает сферу духовную, память человечества: идеи, которые будоражат умы или еще ждут своего часа, музыкальные ритмы, творения зодчих, саги древних сказителей, приключения литературных героев и деятельность подлинных исторических личностей. Мир, который мы получаем в наследство от предыдущих поколений и которому должны были бы ежеминутно радоваться как богатейшему дару, но которым пользуемся нередко так беззаботно...

В этом мире полноправно действует, сверкает блеском импровизированных речей, оказывает на нас свое воздействие, подозреваем мы о том или нет, бесподобная личность уникального наркома. Передо мною во всей неповторимости своей она открылась, когда я работал над книгой об Александре Петровиче Карпинском, первом президенте Академии наук СССР.

Зимой 1917 — 1918 годов Академия очутилась в отчаянном положении. Речь идет не столько о материальных нехватках, которые, разумеется, тоже сказывались на ее работе, сколько о моральном одиночестве как перед лицом новой власти, так и народа. Все в одночасье переменялось, и привилегированная корпорация ученых, горделивая и замкнутая, нуждалась в понимании. Российская академия насчитывала к тому времени — берусь утверждать это — самые выдающиеся научные умы России. Достаточно напомнить о В. И. Вернадском, востоковеде С. Ф. Ольденбурге, кристаллографе Е. С. Федорове...

Большинство ученых не интересовалось общественной жизнью. Разобраться в октябрьских событиях не всем сразу удалось. «Мы знаем, — вспоминал впоследствии сам Луначарский, — что научный мир... отнесся к новой революции как к неожиданному и нелепому происшествию».

Образовалось диковинное противостояние Академии и правительства; кто-то должен был сделать первый шаг. Я допоздна засиживался в архивохранилище, перебирая бумаги былых времен. Вот письмо Луначарского. Собирается ли Академия принять участие в строительстве новой жизни. «Что может она дать в связи с мобилизацией науки?..» Вот письмо за подписью Карпинского и Ольденбурга. Академия «всегда готова по требованию жизни и государства на усиленную научную теоретическую разработку...» Первый документ новой Академии, о чем сама она, впрочем, еще не подозревает.

Карпинский, которому пошел уже восьмой десяток, спрашивал у своих более молодых коллег: «Что вам известно о вновь назначенном министре просвещения?» Одни отвечали: «Философ». Другие: «Музыкальный критик. У него статьи о музыкальной драме, Рихарде Штраусе, Вагнере...» Третьи: «Как же, это известный литературовед!» Возможно, нашлись люди, знавшие и более подробно перипетии жизненного пути сорокадвулетнего наркома.

«Революционером же я стал так рано, что не могу даже припомнить, когда я им не был», — писал он сам. Учасье в начальных классах гимназии, он читал «Логику» Милля и «Капитал» Маркса. «Первый том «Капитала» в 4 классе гимназии был мною проштудирован вдоль и поперек... Основное знакомство с ним получил я именно в 13 лет, как это, может быть, ни покажется странным...» Заниматься в университете в Киеве (родом он полтавский) было ему недоступно из-за революционной деятельности, пришлось уехать в Цюрих и поступить в тамошний университет. Здесь увлекся он сочинениями Р. Авенариуса, крайне позитивистские взгляды которого вошли тогда в философскую моду, и свел знакомство с автором.

Он вообще был увлеченнейшей натурой и в своем восхищении личностью или сочинениями какого-либо творца переходил иногда всякие границы, за что нередко подвергался суровой критике товарищей по партии. Но он умел полемизировать не только с идейными соперниками, но и с самим собой. Это знак напряженной и неутихающей умственной работы: она не оставляла его никогда.

В молодости он знал тюремное заключение, осуждался на высылку. Обычная судьба революционера. То, что случилось с ним в ранние поры жизни, нередко находило отклик позже. Например, сосланный в Калужскую губернию, он посетил Полотняный завод,

овеванный памятью о Пушкине, а став наркомом, немедленно принял меры к охране этого замечательного уголка — «конечно, не в память моего там пребывания, — шутило замечает он, — а ввиду знакомства моего с большим культурным его значением».

Яков КУМОК

«НА РЕДКОСТЬ БОГАТО ОДАРЕННАЯ НАТУРА...»

К 110-летию

со дня

рождения

Анатолия

Васильевича

Луначарского

Когда Анатолий Луначарский вновь попадает за границу, то это уже испытанный боец, опытный журналист. После раскола РСДРП и последовавших жарких дебатов внутри партии он примкнул к большевикам. На III съезде выступал с докладом. Был делегатом Стокгольмского объединительного съезда.

О ДНАЖДЫ — это было ранней весной 1904 года и жил он тогда в Париже неподалеку от бульвара Сен-Жермен — в дверь его комнаты постукивали. Едва светало, на лестнице за дверью было темно.

«Я увидел перед собою незнакомого человека в кепке с чемоданом, поставленным около ног».

Взглянув на мое вопросительное лицо, человек ответил: — Я Ленин. А поезд ужасно рано пришел.

— Да, — сказал я сконфуженно. — Моя жена спит. Давайте ваш чемодан. Мы оставим его здесь, а сами пойдем куда-нибудь выпить кофе».

— Кофе действительно адски хочется выпить. Не догадался сделать этого на вокзале, — сказал Ленин».

Знаменательная для обоих встреча произошла внешне самым будничным образом, а привела к многолетней и крепкой дружбе, в которой не обошлось без принципиальных споров, которая, однако, никогда не омрачена была не вежливым или обидным словом. Ленин сурово критиковал Луначарского за те или иные философские и политические ошибки, но, видя в суждениях его об искусстве здоровую основу, все же полагал, что на почве эстетики его можно привести к подлинно марксистскому мировоззрению. Уверенность вождя полностью оправдалась. С 1912 года Луначарский активно участвовал в большевистской печати и под влиянием Ленина начал освобождаться от своих ошибок.

Между прочим, в ту первую встречу кофе так и не удалось получить, и тогда Луначарский вспомнил о своем добром знакомом скульпторе Аронсоне, мастерская которого в любое время дня и ночи была открыта для друзей. Этому посещению мы обязаны одному из лучших изваяний вождя революции: оно хранится в музее его имени. Луначарский называл его «Ленин из красного мрамора».

Он переезжает в Женеву, где издается нелегальная большевистская газета «Вперед», и входит в ее редакцию. Спустя некоторое время начинает выходить другая газета того же направления «Пролетарий» — Луначарский в ее руководящем составе. Все же живая устная проповедь ему, кажется, более по душе, нежели печатная, — такое во всяком случае впечатление получают те, кто дружил с ним в этот период. «Как пропагандист идей большевизма, как устный полемист против меньшевиков я занял первое место и в Женеве, и в других городах Швейцарии, и

в колониях русских эмигрантов во Франции, Бельгии и Германии. Развезжал я неумоимо, повсюду посещая наши, порою столь крошечные, но всегда энергичные, большевистские организации...» Такая жизнь, как признается он сам, была до крайности утомительна, но он продолжал исполнять миссию странствующего проповедника и полемиста со всем рвением, на какое был способен. Любопытно его замечание, относящееся, правда, ко времени волюнтаристской ссылки, но сохранявшее свою силу до конца его жизни, о том, что ему хотелось поддать марксизм в его яркоцветной редакции, противопоставив сухой ортодоксии Плеханова.

Когда я просматривал опубликованные или еще не опубликованные материалы об Анатолии Васильевиче, то мне порой казалось, что вся эта бурная и неугомонная деятельность, имевшая огромный смысл для него и его товарищей, служила как бы бессозна-

вочная павильоны, площади — залы для вернисажей! Искусство должно приблизиться к прохожему человеку, а не замыкаться в золоченой раме!

Луначарский в консерватории... Луначарский на кинофабрике... Он любил посещать мастерские, студии, репетиционные залы — там, где работник искусства предстает не во фраке, а в заляпанном глиной халате, замызганной косоворотке, потертых шерстяных трико. Тотчас завязывались споры: каким должен быть новый балет, новое кино, новый роман. Споры эти, похоже, неотъемлемая черта его быта в последние пятнадцать лет жизни; я не оговорился — быта, ведь у него не было границы между буднями и праздниками, он работал без выходных.

Язык не поворачивается назвать эту деятельность административной, хотя именно к этой категории она и относится, и нередко захватывающие по остроте споры завершались созданием весьма прозаических циркуляров, приказов и предписаний. Луначарский прекрасно понимал, что естественное в пореволюционную эру стремление к обновлению несет в себе и разрушительное начало: надо было сохранить

Выходит в свет двухтомник его драматических произведений. Пьесы, им сочиненные, разыгрываются на столичных подмостках с участием знаменитых актеров: «Королевский брадобрей», «Оливер Кромвель», «Канцлер и слесарь», «Освобожденный Дон-Кихот» и другие. В журналах появляются многочисленные статьи его, посвященные новинкам литературы и классическим произведениям. Он пишет о Чернышевском и Марселе Прусте, Тарасе Шевченко и Джонатане Свифте, о Шиллере, Короленко, Блоке, Горьком... Его исследование «Самгина» до сих пор остается одним из замечательных явлений горьковедения. В середине 70-х годов всеобщее внимание привлекало творчество М. М. Бахтина. Мое поколение как бы перестроило его для себя. Мне приятно было узнать, что истинным первооткрывателем таланта этого крупного литературоведа был Луначарский, посвятивший Бахтину большую статью еще в 1929 году.

ПОЖИЛОЙ архивариус приносил мне папку за папкой, и, вчитываясь в переписку, я восстанавливал шаг за шагом историю взаимоотношений Наркомпроса с Академией. Нельзя надивиться тому, с каким тактом и дипломатическим умением вел свою линию Луначарский. Вскоре он стал обращаться к Академии с просьбой исполнить то или иное задание. Приведу краткий перечень их. Точные этнографические карты Белоруссии и Бессарабии. Реформа календаря. Новое правописание. Создание письменности для национальностей, доселе не имевших ее. Разного рода сводки и цифровые данные, которыми располагала Комиссия по изучению естественных производительных сил России.

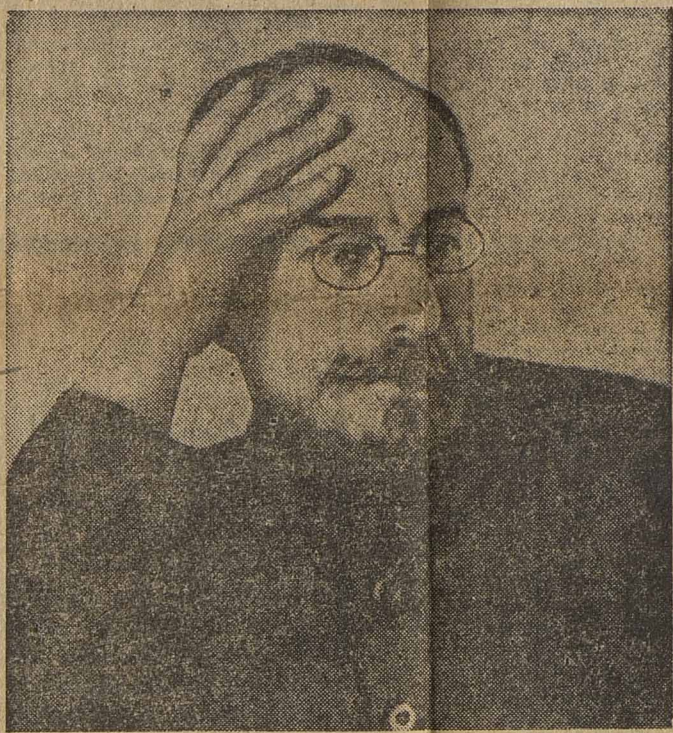
Не правда ли, весомый перечень серьезных, солидных, государственного размаха работ? К тому же исполненных в удивительно короткий срок в период жесточайшей разрухи.

Я хочу коснуться только одного малоизвестного эпизода академической деятельности Анатолия Васильевича. В 1918 году Академия, придавая этому наипервейшее культурное значение (не без учета, конечно, тех нигилистических настроений, что охватили известную часть интеллигенции), не спрашивая ни копеечки дополнительных средств, а выкраивая из своего нищенского тогда бюджета, решила создать учреждение, которое собирало бы, хранило, обрабатывало и публиковало рукописное наследие великого Пушкина. 20 апреля 1918 года был открыт Пушкинский Дом, заживший столь яркой и кипучей жизнью, что уже через непродолжительное время Блок вправе был признать: «Имя Пушкинского Дома в Академии Наук! Звук понятный и знакомый, не пустой для сердца звук!»

Довольно скоро Пушкинский Дом из хранилища, так сказать, реликвий превратился в Институт новой русской литературы, являвший собой действительно тогда новый тип научного учреждения. И возглавил его — об этом знают, насколько могу судить, одни лишь специалисты, — Луначарский. Три года, и, быть может, самые трудные в жизни института, Анатолий Васильевич был директором Пушкинского Дома. Он ставил перед сотрудниками чрезвычайно обширные задачи, задавал им тон на десятилетия вперед. По его инициативе затеяно было фототипическое издание рукописей Пушкина, велось многоцелевое исследование древнерусской литературы (в частности, и «Слова», что особо хочется подчеркнуть в нынешний юбилейный для «Слова о полку Игореве» год), изучались связи русской и зарубежной литературы...

Минуло совсем немного времени, а уж в Академии не было человека, который не знал бы наркома.

«На редкость богато одаренная натура...» — выразился о нем однажды Ленин. Этот свой богатый дар Луначарский щедро отдавал народу, строительству новой культуры, расцвет которой ему посчастливилось увидеть.

тельной самоподготовкой к другой, ожидавшей его в недалеком будущем и воистину уже исторического значения деятельности, в которой его несравненный дар трибуна приобретает колоссальное значение и ценность.

ПОПЫТАЕМСЯ представить всю разносторонность деятельности наркома в то время. Вот Луначарский на собрании учеников начальной школы. Уверяет ребят, что учителя не стоит называть на «ты» и по имени, равенство не выражается в панибратстве. Но и учеников, убеждает он преподавателей, даже младшеклассников, не грех называть на «вы». Создается новая школа, и в ней власть и подчинение должны приобрести какие-то неизвестные еще формы.

Вот в кабинет к наркому — и довольно-таки бесцеремонно — вваливается группа людей с рулонами бумаги. Растелив их на полу, показывают, в какие цвета собираются они раскрашивать стволы деревьев и тротуары и какие картины рисовать на стенах домов. Это, конечно же, художники; предстоит празднование Октября, и они желали бы превратить город в огромное мозаичное панно. Улицы — наши выста-

культуру, старину, память. Он многое делает для этого. На выжженной земле долго не растет ничего...

Поразительно, что в этот период наибольшей занятости по службе (как неуклюже звучит здесь это казенное слово!) он достигает наибольшей зрелости как писатель, критик и исследователь литературы. Его многогранная деятельность сыграла большую роль в развитии марксистской художественной критики, истории литературы и эстетической теории. Он пишет статьи, выступает с докладами по общим вопросам теории литературы и литературной критики, об отдельных писателях и периодах развития русской и западной литературы. Значительные труды Луначарского о русских и западных классиках отличает оригинальность мысли и яркость изложения.

Ходят легенды о его работоспособности и свободе импровизаций. Известно, что, используя перерыв в заседании коллегии Наркомпроса, он садится к телефону и диктует статьи в редакции, не глядя на конспект — да и вряд ли его имело. Одна из таких в слепшке надиктованных статей была посвящена юбилею А. Н. Толстого и представляет собой глубокий очерк творчества гениального романиста.